

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man|

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

*Государственная академия кадров культуры и искусств, Украина, Киев
Кандидат философских наук, доцент, докторант**National Academy of Personnel Management, Ukraine, Kiev
Center of Arts and Culture, Department of Theory and History of Culture
Associate Professor, PhD in Philosophy*

ГОРОД КАК «ЕСТЕСТВЕННОЕ» И ПРИРОДА КАК «ИСКУССТВЕННОЕ» В ЭКЗИСТЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается проблема «естественного» и искусственного» как базовых констант человеческой экзистенции. Рассматривается концепт Города как категория философской антропологии и как одна из базовых форм человеческого мировидения. Этот концепт позволяет скрытые измерения человеческой экзистенции и культурных форм бытия. В статье анализируется специфика «философии Города» как феномена экзистенциального путешествия и конституирования человеческой субъектности. Показана функция «городской экзистенции» как посредника в становлении целостного мировоззрения. Концепция Города позволяет осмысливать уникальность личностного бытия, наделенного своим особым актуальным смыслом.

Ключевые слова: Природа, искусственность, город, картина мира, экзистенция, философия.

THE CITY AS “NATURAL” AND NATURE AS “ARTIFICIAL” IN THE EXISTENCE OF CONTEMPORARY MAN

This article looks at the philosophical problem of the “natural” and the “artificial” as basic constants of human existence. The concept of “city” is considered as a category of philosophical anthropology and as one of the fundamental forms of the human worldview. This concept makes it possible to discover hidden dimensions of human existence and cultural forms of being. The article analyses the specifics of the “philosophy of the City” as a phenomenon of existential travel and of the institutionalization of the human subject. The concept of “urban existence” is shown to be a medium for a holistic worldview. This conception of the city enables us to consider the uniqueness of personal life, endowed with its own special meaning.

Key words: Nature, Artificial, City, Worldview, Existence, Philosophy.

Экологический подход к изучению культуры связан с фундаментальным эпистемологическим парадоксом, который можно вскрыть уже на уровне используемой здесь терми-

нологии. Так, термин «экология», как известно, произведен от др-греч. слова οἶκος – дом, жилище, а последний – от глагола οἰκέω – жить, обитать. Тем самым, имеет место парадокс: природа как це-

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man|

лое в качестве Вселенной, обозначена в др.-греч. языке как Ойкумена (ἡ οἰκουμένη – «обитаемая или населенная земля»¹) через метафору принципиально не-природного происхождения, через артефакт – человеческий Дом. Смысловой связкой в этой метафоре оказывается модус *обитаемости* – здесь Вселенная мыслится как Природа, *уже обитаемая* человеком, что, собственно, и составляет «внутреннюю форму слова» Ойкумена – буквально «обитаемая». Тем самым, в определении рукотворного человеческого мира – т. е. Культуры в базовом символическом смысле – как некой особой, но тоже Природы, имеет место своеобразная *инверсия*, «выворачивание наизнанку» этой исходной метафоризации, которая в свое время произошла в древнегреческом языке.

Эта инверсия кажется парадоксальной лишь на первый взгляд. В самом деле, а почему, собственно, именно «дикая» Природа должна казаться человеку чем-то «естественным»? Скорее наоборот, нет ничего более чуждого самой человеческой сущности, чем погруженность в чисто природное – «дикое», первозданное бытие – и наоборот, нет ничего естественнее, чем такая же погруженность в мир, созданный руками человеческими. Привычная, казалось бы, ассоциация природного с естественным в отношении человека оказывается в принципе неадекватной и даже абсурдной, поскольку *de facto* исходит из рассмотрения человека как всего лишь биологической особи.

Исходя из этих соображений, следует утверждать, что чисто логически здесь имеет место прямо противоположное отношение: человеку «естественно» именно рукотворное, и «протиестественное» все дико-природное. С другой стороны, такое утверждение также противоречит человеческому опыту: ведь мы, с одной стороны, действительно переживаем самих себя и как часть приро-

ды, и как созерцающих ее «первозданность», еще не замутненную нашим вмешательством; но с другой – столь же остро можем переживать и чуждость, абсурдность и дисгармонию созданного людьми мира искусственных вещей и отношений, которых нет в «дикой» Природе самой по себе.

И столь двойственная логика совершенно естественна и необходима, поскольку именно она антиномически отражает двойственную природу самого человека как одновременно и «природного» и сверх-природного – независимо от дальнейших определений последнего – существа. И вопрос о том, что в человеке «природно» и «естественно» столь же двойственен, как и ответы на него в силу неизбежно двойственного смысла самих этих понятий. Человек как некий метафизический «кентавр» может свободно полагать в себе природным и естественным как «дикую» Природу, так и Культуру, так и то и другое вместе.

Особенно ценен в этом отношении опыт поэтического постижения, в котором разные смыслопереживания даны в живом опыте.

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов...

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пень труб, и зарево плотины,
И налитые током провода
(1947)

¹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – Репринт 5-го изд. 1899 г. – М.: Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – С. 868.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man|

Это был явный ответ Н. Заболоцкого на хрестоматийные строки Тютчева:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем...
(1865)

Очевидно, что спрашивать, кто из поэтов «прав», бессмысленно – каждый из них передал неотъемлемую часть общечеловеческого мироощущения. Эти части, противоположные по смыслу, задают внутреннюю антиномичность и даже разорванность человеческой экзистенции в ее интимно-живом ощущении Природы. Но как с этим должна работать философская рефлексия?

Гегель в своей «Философии природы» также выразился весьма поэтично: «Природа есть отчужденный (entfremdete) от себя дух, который в ней лишь *резвится*... Мыслительное рассмотрение природы должно постичь, каким образом природа есть в самой себе процесс становления духом, процесс снятия своего инобытия... отчужденная от идеи природа есть лишь труп, которым занимается рассудок»². И человек видит в «дикой» Природе свое отражение, свое «инобытие» постольку, поскольку он тоже переживает «в самом себе процесс становления духом» и тоже переживает себя как «отчужденный от себя дух». Именно поэтому Природа – это «зеркало человека»³ (М. Пришвин), но «зеркало» весьма парадоксальное – оно показывает

не самого человека, а то, чего ему не хватает, чтобы стать человеком. Для человека, чувствующего, как «дух растлился в наши дни» (Тютчев), Природа – мерило и образец гармонии; а для человека, озабоченного «преобразованием» мира, Природа – это хаос, который нужно обуздать. Но в обоих случаях человек видит и находит в ней то, чем хотел бы стать он сам. И поэтому их «гармония» тоже амбивалентна.

Стремление к гармонии – и не только к Природой, но и к Гармонии как таковой, в чем бы она не выражалась – самая парадоксальная экзистенциальная страсть: ибо она возможна только в силу своей недостижимости, которая и предает ей энергию и смысл. *Уже* осуществленная гармония («остановившееся мгновение») – всегда мимолетна, она требует новых усилий для своего повторения.

Вместе с тем, человек всегда стремится к синтезу противоположных начал – таков внутренний императив его разума и мироотношения в целом. Например, Н. Рубцов в знаменитом стихотворении «Тихая моя родина...» выразил «космическое» единство «дикого» и человеческого, рукотворного:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.
(1964)

Здесь туча и изба – онтологически неразличимы в «смертной связи» всего сущего, постигнутой поэтическим разумом. Именно этот опыт является более фундаментальным и первичным по отношению к опыту постижения Природы и опыту созидания Культуры. В созидание культуры всегда уже «вложено» это постижение, а последнее, в свою очередь, изначально «окультурено».

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т.2. – Философия природы. – М.: Мысль, 1975. – С. 26.

³ См.: Пришвин М.М. Зеркало человека. – М.: Сов. писатель, 1985. – 586 с.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man |

Известный философ культуры А.Л. Доброхотов, уходя от кантовского разделения природы как мира необходимости и человека как ноуменальной сферы свободного действия, ввел понятие «третьего мира» между ними – мира культуры. По его определению, такой «особый регион и есть культура, существующая как возможность примирения двух конфликтующих миров. И не только примирения, но и взаимного восполнения... Если мы попробуем представить себе природу без человека, трудно будет отделаться от мысли, что природе не хватает того, что называют “конечной целью”, “высшим смыслом”; того, что ответило бы на вопрос “зачем?”... То есть объективно-природное и субъективно-человеческое представляются неполноценными друг без друга. Культура же предлагает возможность дополнить природный материал человеческими смыслами, примирить безличные факты и бесплотные идеалы»⁴. А это, в свою очередь, значит, что «дикая» Природа сама по себе отнюдь не «естественна» для человека – поскольку ей «не хватает того, что называют конечной целью и высшим смыслом» – и в этом смысле она парадоксальным образом оказывается чем-то противоестественным для человека, ибо цель и смысл и есть тайна его подлинного естества. И погруженный в среду «дикий» Природы, человек оказывается как раз в *искусственной* для себя среде.

Исходя из этих общих концептуальных определений, стоит обратиться к осмыслению самого концентрированного выражения сущности рукотворного человеческого мира – Города в его символическом смысле как особого воплощенного способа человеческого бытия. Именно Город как некое особое сущее *состояние человека*, его экзистенции, может прояснить самую глубокую суть того, что *естественно* в рукотворной среде, соз-

данной человеком. Такой вопрос уже был сформулирован киевским философом В.А. Малаховым: «что есть Город в структуре философского сознания?»⁵. Какова та особая «городская онтология», которая «формирует внутренний ценностный образ города»⁶?

Стоит привести цельное рассуждение В.А. Малахова, в котором дана общая феноменологическая структура философского «вопроса о Городе»:

«...одним из коррелятивных вариантов Gemeinschaft'a как раз и выступает общность городская... уже во времена Античности город (полис) воспринимался как особая общность, для конституирования которой существенное значение имели ее нравственные основания... Существование города как человеческой общности предполагает и особую структуру реальности, в которой эта общность укоренена. Каждый город как таковой – в каких бы “онтических” категориях экономики, социальной истории, политики, демографии его ни описывали, – имеет свою неповторимую онтологию, свой глубинный проект бытия: своего рода производное от открытости мира, исторической судьбы и пространства культурного общения... философия XIX-XX вв. привыкла противопоставлять “инстинкт” и “разум”, “стихию” и “технику”, “почву” – и лишенную корней рассудочную цивилизацию, однако подлинная городская культура не сводится ни к одному из этих полюсов. По-своему она органична и бытийственна, но эта ее бытийственность не прорезывается “снизу”, из земляных глубин, а словно летучий эфир, облекает собой вольное и подвижное городское общение; не довлеет над личностью цепкой нутряной властью, а как бы окликает ее свободу»⁷.

⁵ Малахов В.А. Философия в городе (Городская онтология и философское сознание) // Малахов В.А. Уязвимость любви. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – С. 434.

⁶ Там же. – С. 437.

⁷ Малахов В.А. Образ города в современном гуманитарном дискурсе: некоторые проблемные направления //

⁴ Доброхотов А.Л., Калинин А.Т. Культурология: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2010. – С. 6.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man |

Итак, в Городе присутствует «бытийственность», неким особым образом «окликающая» нашу свободу. Иными словами, Город нечто раскрывает в нашей природе – такое, что иначе осталось бы нераскрытым. Что же это?

Культурологические рефлексии над феноменом Города как особого способа бытия человека в мире, во многом задающего его экзистенциальное самоопределение, имеют серьезную традицию⁸. Созданы культурологические «портреты» отдельных городов, являющихся крупными центрами особых культурных и духовных традиций и несущих в себе их специфическую «ауру», складывавшуюся в течение веков. Примером являются исследования Санкт-Петербурга, начиная с работ Н. Анциферова 1920-х годов и Тартусской семиотической школы, обратившихся к этой теме в 1980-е⁹, до современных медитаций над «метафизикой Петербурга»¹⁰. Вместе с тем, современные города уже невозможно изучать только на основе проникновения в их многовековую загадочную «душу», ибо последняя ныне глубоко скрыта под новым мощным слоем принципиально бездушной, во всем стандартизированной цивилизации. Но для того, чтобы последняя не казалась непроницаемой завесой, она также должна быть подвергнута рефлексии именно в контексте философии Города.

Образ міста в контексті історії, філософії, культури: Києвознавчі читання. – К.: ПАРАПАН, 2005. – С. 16-17.

⁸ См.: Вебер М. Город // Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: «Кучково поле», 2001; Галич З.Н. Город и урбанизация – феномены и парадигмы цивилизации // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М, 2003; Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: ЭКО, 1995.

⁹ См.: Семиотика города и городской культуры: Петербург // Труды по знаковым системам. XVIII. – Тарту: Изд. ТГУ, 1984. – 234 с.

¹⁰ См.: Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. – Вып. 1. – СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. – 315 с.

Город как специфическая оформленность социально-исторического бытия человека является предметным воплощением двух экзистенциальных установок человека: с одной стороны, стремления максимально облегчить физические условия жизни, а с другой – максимально расширить возможность удовлетворения неутилитарных потребностей¹¹: в общении, творчестве и развлечениях. Обе установки, изначально двуединые и взаимообусловленные, в дальнейшем становятся источником для разных, во многом противоположных тенденций. Город не может жить без подчинения (экономического и военно-политического) окружающего его пространства аграрной цивилизации – и он создает Государство как инструмент такого подчинения. Современная цивилизация перенесла городские формы жизни в село и уже полностью уничтожила последнее как особый строй бытия, основанный на совершенно иной по сравнению с Городом экзистенциальной установке – органической включенности человека в природный и духовный космос. Так завершился процесс, начавшийся с возникновением первых государств древнего мира.

Изначальная гедонистическая установка городской цивилизации (устройство физического комфорта) в сочетании с расширением возможностей общения и развлечения в конгломератах больших масс людей с необходимостью порождает

¹¹ Ср.: «Группы сосуществуют не потому, что живут по соседству, а для свершения какого-то совместного деяния. Рим завоевал окружавших его варваров отнюдь не силой оружия. Варвары подчинились Риму, охваченные одной иллюзией. Ибо слово “Рим” сулило участие в великом жизненном подвиге, где каждый мог найти себе место. Римская цивилизация выступала синонимом порядка, правовой дисциплины, великолепной организации, богатейшего набора воспринятых от греков идей, дающих смысл жизни. Рим обещал варварам участие в новых празднествах, великих наслаждениях» / Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания: Сб.: Пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 17.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man |

особую «индустрию порока» – от питейных заведений до проституции, условия для существования которых в селе либо вообще отсутствуют, либо крайне ограничены. В этой анонимности городско-го «человека» (А. Зиновьев) вырванный из родовых и общинных коллективов человек обеспечивает себе возможность *анонимного поведения* – радикально безответственного, направленного исключительно на эгоцентрическое удовлетворение. Русская литература, традиционно отличающаяся особой нравственной чуткостью, первой ужаснулась чудовищу-Городу, и не только в фантазмах Гоголя. Так, в повести до сих не оцененного по достоинству беллетриста Ф. Булгарина «Иван Выжигин» есть пронзительная фраза: «...душные города, где люди собираются, чтоб обманывать друг друга»¹². Еще более афористичен в руссоистском духе англичанин У. Купер: «Деревню создал Бог, а человек – город»¹³. Оба высказывания являются ничем иным, как первой естественной реакцией на появление городского «человека», пока тот еще не стал казаться чем-то привычным.

Однако, с другой стороны, расширенные возможности *позитивной неутилитарной деятельности* позволили городам стать средоточиями высокой культуры и сакральными центрами. Как пишет А. Неклесса, «генезис города-государства – история одновременно интеграции и разделения. Интеграции разрозненных родов и поселений, трансформации их раздробленного существования в некоторую новую целостность, и параллельно – их отделения от природы... Территория его была сакральным местом, здесь располагался храм – точка максимального соприкосновения, коммуни-

кации обыденного и потустороннего... Центр города, его храм, – хранил порядок вещей, “таблицу судьбы”. Внешние стены ограждали этот порядок от бурных вод моря житейского. Стража и врата отделяли и, одновременно, соединяли цивилизацию (*организацию*) и варварство (*хаос*)... И все же... рождение города окутано тайной (в Библии, кстати, его создателем назван Каин)¹⁴. Тем самым, *Город становится реальным воплощением и коллизией самых крайних онтологических и ценностных противоположностей человеческого бытия, совместно и очень плотно локализованных в едином замкнутом пространстве, что создает особую напряженность, трагизм и антиномизм экзистенции городского человека, неведомые человеку села.*

С другой стороны, Город становится концентрированным воплощением новосозданной, *искусственной природы* человека. Только такая внутренняя противоречивость термина «искусственная природа» и может выразить суть происходящего. Специфический «городской разум» и способ мировосприятия сформировался в Древней Греции. Ж.-П. Вернан пишет об этом так:

«Если греческая мысль внесла в социальный мир категории меры и числа, то природа как таковая представляла для нее скорее область приблизительного, к которой не применимы ни точный расчет, ни строгое рассуждение. Греческий разум формировался не столько в ходе *обращения* людей с объектами, сколько во *взаимоотношениях* самих людей. Он развивался не столько *в связи с* техникой, посредством которой воздействуют на внешний мир, сколько *благодаря* технике, которая воздействует на других и основным средством которой служит язык, а именно: политике, риторике, дидактике. Иначе говоря, греческий разум был устремлен на *воспитание, совершенствование и образование* людей, а не на преобразование приро-

¹² Цит. по: Урнов М.В., Урнов Д.М. Шекспир. Движение во времени. – М.: Наука, 1968. – С. 120.

¹³ Цит. по: Неклесса А.И. Трансмугация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М.: Академический проект, 2003. – С. 67.

¹⁴ Неклесса А.И. Трансмугация истории. – С. 69-70.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man|

ды. Во всех своих достоинствах и недостатках он – дитя полиса»¹⁵.

Одним из следствий этого процесса стал перенос сферы сакрального из тайных «мест силы», сокрытых для непосвященных, именно сюда – в места максимальной публичности. Предельным историческим символом Города как сакрального центра земного мира стал Иерусалим; соответствующим ему противоположным символом Города как предельной концентрации мирового зла и порока – Вавилон. Третий символ того же ряда – Рим – есть символ центра сакральной экспансии, несущего «свет миру», но в силу неизбежной секуляризации государственной машины постоянно рискующего выродиться в «новый Вавилон». И все другие города, приобретавшие статус локальных сакральных центров в этом контексте и в историософской перспективе мыслились, соответственно, как «новые Иерусалимы».

Соотнесенность трех базовых архетипических символов Города в трех его смысловых и ценностных модусах формируют религиозное восприятие самой Истории у всех народов, перешедших от племенной к городской жизни. Так, в отечественной традиции это выразилось в особой мистике «Царьграда»:

«Святой город – и не святые люди, святой Рим второй – и вторые римляне, напоминающие первых времен упадка. Недостатки и грехи крестного отца были ведомы, и не было нужды и воли их скрывать, но крестный отец крестил, он надел крест на шею, он держал крестника при купели, он привел к святому месту, – и он возлюблен ради этого святого места, он чтим, поскольку ему вверено это место. Великий город чтился Русью за незримый Град, открытый для Руси выходцами из этого города, второй Рим почитался ради небесного Иерусалима, крепость стен Влахерны – за то,

¹⁵ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли: Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1988. – С. 158-159.

что открыла крепость оград небесных. Паломничества русских в Царьград начались сейчас же после крещения Руси, и паломничество в Царьграде было равноценно паломничеству в Иерусалим, греческая святыня стала для новокрещеной Руси русской святыней, – вселенской святыней»¹⁶.

Внедрение сферы сакрального в места максимальной публичности имело и «гносеологические» последствия: «в Откровении св. Иоанна Богослова есть знаменательный эпизод: Ангел, показывая Иоанну Небесный Иерусалим, измеряет святой город “мерюю человеческою, какова мера и Ангела” (Откр. 21:17). Город оказался фантастически велик, но постижимым для человеческого рассудка и воображения образом»¹⁷. Так, сакральное становилось соизмеримым делам рук человеческих, а последние приобретали *иконический* характер.

Противоположный смысл Города как «Вавилона» задан в библейской истории строительства Башни как предметно-символического воплощения человеческой гордыни и богоборчества. Современная «постиндустриальная» цивилизация в этом глубинном, сакральном контексте может быть осмыслена как «новая Вавилонская Башня», и это давно уже стало «общим местом» в соответствующей литературе. Соответственно, посредством этого символа может быть понята и особая экзистенция современного города, формирующая массовое мироощущение, самосознание и характер живущих в нем людей.

Город современной цивилизации несет в себе два онтологических уровня своего бытия – внешнюю стандартизированную и «бездушную» плотность, за которой уже стали малозаметными остатки индивидуальности городов иных времен; и свою индивидуальную «душу», сохранившуюся в облике

¹⁶ Дурылин С.Н. Русь прикровенная. – М.: Паломник, 2000. – С. 146-147.

¹⁷ Малахов В.А. Образ города в современном гуманитарном дискурсе. – С. 17.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man |

старых строений, в традициях и душевном строе людей, сохраняющих в себе память и характер прошлых эпох. В те времена, когда современной застройки Города не существовало, его «душа» раскрывалась непосредственно, зримо являя свою индивидуальность и «загадку» своего характера каждому проходящему или живущему в нем. Именно к этим временам следует относить определения первых исследователей Города, в частности, профессора И. Гревса: «Город – одно из сильнейших и полнейших воплощений культуры, один из самых богатых видов ее гнезд... Но надо уметь подойти к сложному предмету познания, в частности, понять город... как глубокую, живую душу, уразуметь город, как мы узнаем из наблюдения и сопереживания душу великого или дорогого нам человека»¹⁸. В свою очередь, Н. Анциферов утверждает: «Город – для изучения самый конкретный культурно-исторический организм. Душа его может легко раскрыться нам», однако трудность такого изучения состоит в том, что «даже Рим, который был предметом восхищенного созерцания около двух тысяч лет, не нашел еще точного определения сущности своего духа»¹⁹. Такова сложность постижения индивидуальности Города, которая всегда сохраняет в себе какую-то всегда притягивающую загадку. Напротив, стандартизированная «плоть» современного города почти не поддается индивидуализации, кроме чисто географической, однако обычно сознательно стремится к ней, поскольку каждый современный город тоже хочет построить нечто такое, чего нет у других – и это крайне характерно, поскольку это обстоятельство выражает архетипическое понимание Города, еще не стершееся полностью в культурной памяти современных людей, тоскующих о Городе как своей близкой

и теплой *родине*, а не только месте максимального комфорта жизни.

Появление и эволюция Города – это концентрированное и наглядное отображение всемирно-исторического процесса и коллизий человеческого духа, претерпеваемых им на протяжении исторических эпох. О. Шпенглер в главе «Душа города» второго тома «Заката Европы», в частности, писал об этом так: «*Мировая история – это история городского человека*. Народы, государства, политика и религия, все виды искусств, все науки основываются на одном древнейшем феномене человеческого существования – на городе... Мы должны во всей полноте вообразить себе изумление дикаря, который впервые посреди ландшафта встречает это нагромождение камня и дерева... коробки странной формы, в которых кишмя кишат люди»²⁰.

Такова масштабность явления, ставшего ныне чем-то не просто обычным, но таким, что отсутствие его кажется уже просто немислимимым, – городской жизни, – О. Шпенглер далее говорит о ней как о феномене уже не только историческом, а своего рода *магическом*, полностью овладевающим покорным ему человеком: «Человек, попавший под влияние этого последнего чуда всей истории, уже не может освободиться... Город для него – родина, а соседняя деревня – чужбина. Он лучше умрет на бульжной мостовой, чем вернется в деревню. И даже когда он чувствует отвращение... не может освободиться от его чар... Горожанин не может жить на другой земле, кроме этой, искусственной, потому что космический ритм его существования отходит на задний план», однако такая «напряженность без космического ритма, пронизывающего ее, – это путь в Ничто»²¹.

Что имеется в виду в последнем из этих высказываний? Особая «магия» современного Города

¹⁸ Гревс Ив. Предисловие // Анциферов Н.П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. – Л.: Изд. ЛГУ, 1991. – С. 25.

¹⁹ Анциферов Н.П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. – Л.: ЛГУ, 1991. – С. 31.

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – Мн.: Попурри, 1999. – С. 113.

²¹ Там же. – С. 129.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man |

производит некий метафизический переворот в бытии человека: «Здесь проявляется вполне *метафизический* поворот к смерти. Последний человек крупных городов не хочет больше жить... В *этом существе как таковом* теряется страх перед смертью. Характерный для настоящего крестьянина глубокий и неизъяснимый страх, что вымрет род и некому будет продолжить фамилию, теряет смысл... Дело не в том, что не рождаются дети, а прежде всего в том, что ум... не видит необходимости в их появлении». Поэтому начинает преобладать тип семьи, «в которой оба участника “свободны”... все отношения в семье сводятся к “взаимопониманию”»²². Это безразличие к продолжению рода, поскольку в детях видят в первую очередь помеху своему индивидуалистическому комфорту, естественно, не охватывает всех людей современного Города, но оно порождено именно им, и не существовало никогда раньше. Поэтому это – одно из базовых культурных отличий человека «современного» от человека «традиционного». По большому счету можно сказать, что население современного Города воспроизводится только за счет «пережитков» традиционного типа сознания и традиционного типа семьи, постоянное сокращение которых восполняется все большим притоком эмигрантов из менее «продвинутых» регионов мира.

О. Шпенглер, помимо экзистенциальных параметров современного Города, сформулировал и объективную феноменологию Города – в его соотношенности с ландшафтом и с ходом большой Истории. Он пишет: «Деревни... полностью терялись в ландшафте. Провинциальный же город повторяет местность, определяет ее облик, и только более поздний город противится ей. Его силуэт противоречит линиям природы. Он *отрицает* природу. Он хочет быть чем-то другим и выше ее... А затем появляется громадный город мира, *город как*

мир... и начинает уничтожать образ ландшафта... хочет сделать его тождественным собственному образу»²³. Эти три стадии эволюции человеческих поселений – в ландшафте, *вместе* с ландшафтом и *без* ландшафта – могут, например, в стиле К.Маркса, пониматься как своего рода три «формации» во всемирной истории человечества.

Однако процесс может выглядеть и как нечто сугубо позитивное – как становление самостоятельного человеческого субъекта и развитие рефлексии как особой его способности. Г.Д. Гачев в работе «Космос Достоевского» предлагает яркую образную логику этого процесса: «Средь природы в человеке – естественность и непринужденность. В городе – свобода и (иль) необходимость. В природе – до- и бес-субъектно-объектное расчленение бытия и человека, докантово, додостоевское пребывание в натуральном (“догматическом”) доверии, в единстве и синкретизме бытия и мышления»²⁴. В Городе же «бытие вгоняется в человеке в угол – основная геометрическая фигура у Достоевского – и там, в своей западне, где ему уже некуда деться, вынуждено признаваться на исповеди, из Психеи выжимаются ее секреты, она забилась-затрепыхалась в пульсации... Но все тут наоборот: не меня природа выкинула, а я ее отринул, самолишенец. Но этой жертвой, в этом акте обрезания пуповины, я добываю свое Декартово “я”, на котором далее все будет строиться... Каков же человек в городе, с точки зрения стихий?»²⁵.

Посредством образов Достоевского Г.Д. Гачев очертил особую «логику стихий», особым образом раскрывающуюся в Городе – совсем иначе, чем в дикой Природе. Удивительным образом столь непривычное для современного «мышление стихиями» оказывается очень эффективным имен-

²³ Там же. – С. 118-119.

²⁴ Гачев Г.Д. Космос Достоевского // Духовное наследие Ф.М. Достоевского. / Отв. ред. Белов А.В. – Ростов-на-Дону, изд-во ООО «ЦВВР», 2006. – С. 8.

²⁵ Там же. – С. 8-9.

²² Там же. – С. 131; 133.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man|

но для понимания той особой «природности» Города, которая формирует экзистенцию человека:

«...всякий человек здесь в душе своей паука чувствует: и сам сеть-ткань жизни плетет, и ею опутан, и угнетен. И движения персонажей – не плавные, гибкие, округлые, как у больших существ земли и воды, но угловатые, судорожные, как огни, зигзагами их траектория, как у насекомых: Раскольников то на месте долго недвижно в углу гробу, то мечется туда-сюда, угол свой в пространстве рассеивая и множа... И энергии все дискретны: то лежит – то убьет, то скрывается – то вдруг надрыв, заголитися на исповеди. Нет, несерьезно, неувесисто, пунктирно земное бытие здесь, а есть некое надругательство воз-духа над наличным бытием нашим, его серьезностями, мерами, заботами и ценностями. Ибо неплотны, некрепки эти души в воплощении. Вот они встречаются из всемирья в вагоне третьего класса, демон Рогожин и ангел Мышкин, оба посланные на время на человечество (как на местничество), – и начинается сюжет узнаваний, выявлений, в ходе которых одна тотальность, сошедшаяся клином Льва Николаевича, спознается с другою, пришедшей из подземелья манихейского черного солнца и загнувшейся углом на Парфене Рогожине. И вообще вся материя бытия здесь – с прорехой, лезет и расплзается, как мундир и сапоги Достоевских чиновников, что стыд, смех и грех прикрывают – приоткрывая, и засасывая, и завлекая, и заостряя на этом взор... И город тем мистически манит его, что здесь стихия земли поднята, овоздушнена в зазорах комнат-пустот, толща ее не столь безнадежно материальна и увесиста»²⁶.

Вот так извечные «стихии» Природы вовсе не исчезли в Городе, но сами подчинили его себе, но человек далеко не сразу понял это. Со временем человек понял, что все это – результат его собственных усилий, его борьбы за свое «Я», и он узнал

себя там, где раньше ему казалось, что это все чужое.

Для обозначения экзистенциальной специфики искусственной среды Города термин Л. Гумилева «псевдоландшафт», исходя из того, что Город вырывает человека из непосредственной включенности в природные циклы. Это весьма опосредует и почти сводит на нет его контакт с «упругой плотью бытия», а специфическая деятельность людей в современном Городе тоже весьма специфична. Она создает особую сферу эфемерной реальности внутри мира межчеловеческих условностей, созданных современной цивилизацией. Здесь производятся и циркулируют колоссальные потоки *искусственной* информации, которые в конечном счете становятся основной сферой труда, создавая замкнутый мир *искусственного* человеческого бытия – в том смысле, что здесь доминируют такие виды деятельности и ценностей, совершенно избыточны по отношению как к процессам физического воспроизводства человека, так и его духовной самореализации. Более того, в конечном счете они начинают радикально препятствовать и тому, и другому, отбирая силы и время людей на экзистенциально деструктивные цели, порожденные гордыней социального самоутверждения эгоцентрического индивида.

Эфемерное в ценностном и онтологическом отношении эгоцентрическое самоутверждение индивидов уже неизбежно приводит к «атомизации» социума – «смещению языков», где каждый живет в своем субъективном мирке, говорит на своем «языке», не понимаемый другими и обвиняющий в этом их, а не себя: становясь глухим ко всякому Другому, человек заменяет его своим эфемерным «двойником», «бредит сам с собою» (А.А. Ухтомский). Так «строительство Башни» воплощает потенциал деструктивности «человеческой природы».

Но ведь известно, что «где опасность – там и спасение» (Гельдерлин). И даже в «псевдоландшафте» современного города есть нечто такое, что

²⁶ Там же. – С. 10-11.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man |

способно глубоко ранить человека, не утратившего еще душевной чуткости до конца. Город традиционной цивилизации, хотя и создавал некоторую степень «эфемерности» бытия, но оставлял еще хотя бы иллюзию онтологической естественности благодаря своей эстетической гармонии, «патриархальному» уюту и нормальной экологии. Индустриальный город сводит эту иллюзию к минимуму. Не только вид промышленных предприятий, которые уродливы уже сами по себе, но даже и вид жилых домов современной застройки для «свежего» восприятия несет в себе подлинную мистическую жуть. Бывают моменты, когда сознанию кажется, что все эти гигантские бессмысленные «коробки» – это дело рук человеческих, поскольку в уже них окончательно утрачена всякая *эстетическая соприродность* с естественным окружающим миром, достигнут полный разрыв с образами природной реальности. Этот «псевдоландшафт» достиг уже полной «негативной трансцендентности» естественной природе, – но именно этим он наглядно показывает сущностную *иноприродность* человеческого существа, раз оно способно создавать такое. Тем самым, как бы «методом от противного» эта негативная иноприродность свидетельствует и о подлинной «вакансии» человека как *позитивно-иноприродного*, то есть духовно-трансцендентного этому миру существа, изначально призванного к другой, преобразующей его инаковости миру.

В этой ситуации человеческая экзистенция оказывается в своего рода «точке бифуркации»: либо принять искусственную реальность как норму, радикально отчуждающую человека от *всякой подлинности* – как природной, так и духовной; либо, наоборот, *ужаснуться* самой такой возможности, глубоко пережить эту отчужденность как *экзистенциальную катастрофу*, и стать на путь поиска онтологической подлинности человеческого бытия, каким бы извилистым, непривычным и сознательно «заблокированным» нашей столь навязчивой цивилизацией он при этом ни оказался.

Экзистенция городского псевдоландшафта – это предельно заостренная ситуация последнего экзистенциального выбора между гибельной глупотой эфемерного «вавилонского» самоутверждения человеческого ego и неизбывной открытостью человеческой души откровениям всегда нового Бытия.

Соответствующим образом выстроена и конфигурация «культурного поля» новейшей цивилизации Города. Замечено, что «возникающий в условиях современной культурной ситуации универсальный общекультурный язык, а также отвечающее ему культурное состояние, одинаково именуемые здесь словами “постмодернизм” и “неоархаика”, имеют принципиальную общность с языком и симультанно-синкретическим культурным состоянием, именуемыми *архаическими*»²⁷. Как это ни странно, но в такой тотальной доступности любых культурных смыслов и традиций вдруг оказалось, что человек вернулся в свою изначальность – туда, где он предстал изначальной Природе и создавал те смыслы, которые позволили ему выжить и сделали его человеком. В разных областях его жизни это было выражено по-разному. Но есть особая сфера, в которой то, что человеку племени и села было уже изначально дано в виде смыслового космоса обычаев и народной мудрости, – все это человек Города вынужден был выстраивать себе каждый раз заново, формируя свою новую «природу», которую невозможно где-то у кого-то позаимствовать (такие попытки каждый раз оказываются тщетными). Наша судьба, наша «философия в Городе» – это особо концентрированное выражение городской экзистенции. В.А. Малахов так определил специфику «философии Города» как феномена экзистенциального путешествия и создания рискованной субъектности:

²⁷ Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 32.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Город как «естественное» и природа как «искусственное» в экзистенции современного человека / The City as “Natural” and Nature as “Artificial” in the Existence of Contemporary Man |

«Возьму на себя смелость утверждать, что город в некотором определенном, отнюдь не метафорическом смысле предстает и как своего рода органон, универсальное орудие философской мысли. Причем каждый город – по своему... Есть философия странников и отшельников, философия сельская, философия городская. У этих философий разный ритм, разные способы духовного удовлетворения. Городская философия начинается с блужданий по городу, с накопления запаса мест, дорог и знакомств как средства сосредоточения и рефлексии. Тонкую нить непрерывной мысли, бережно лелеемую ученым монахом в келье, хранимую под надежным спудом деревенским запасливым мудрецом, городской философ то и дело рвет, теряет в непрерывных разговорах, случайных встречах, каждодневной суете – но так хитро, так привычно-сосредоточенно рвет, что она, эта нить, тут же каким-то таинственным образом и срывается с обеих концов, давая еще и новые ответвления. Как на агору выходит городской философ на арены университетских ристалищ, всякий раз заново обретая себя и свою правоту. Вышеупомянутая онтология города в своей осязаемой неуловимости фундаментирует для него постижение таинственности, неисчерпаемости бытия. Кофейни и пивнушки, многочисленные в каждом достойном своего понятия городе... предстают своеобразными центрами духовной

эмансипации, где происходит непринужденное сосредоточение, а также и раскрепощение внутренних сил, завязывается ткань жизненной очевидности, сами собой вспыхивают блестящие насущного понимания вещей... сама эта структура... наталкивает на философское умозрение сверхкачественного единства несовместимостей, прямо-таки требует целокупного постижения жизни»²⁸.

Тем самым, «философ Города» переоткрывает универсальные формы и смыслы постижения сущего – лишь двигаясь «от противного», от состояния их не-данности, забвения и проблематичности. «Целокупное постижение жизни» здесь происходит через разрывы смыслов и разрывы «жизненного мира» как не-данного горизонта бытия, заново создаваемого всегда рискованным усилием общения хрупких личностных миров нежданных и неожиданных собеседников.

Анализ смысловой структуры Города как «экстремальной» экспликации «человеческой природы» показывает, что культура в рамках экологического дискурса может быть осмыслена «по ту сторону» привычной бинарной оппозиции «природы и культуры», выявляя парадоксы, заключенные в самом понятии «человеческой природы». Это создает особое предметное поле для экологии культуры – анализ человеческой экзистенции в формах ее инобытия, соединяющих в себе культурную ценность и экзистенциальную рискованность.

²⁸ Малахов В.А. Философия в городе. – С. 437-438.

